

СЕРГЕЙ КУБРИН: «МЫ ПИШЕМ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОМНИТЬ, А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ»

ЕГОР АППОЛОНОВ
Журналист, автор книги
«Пиши рьяно, редактируй
резво» («Альпина Паблишер»,
2019), главный редактор
журнала «Аэроэкспресс».

Сергей Кубрин — явление в современной русской литературе. Сам он этого пока еще не понял, но со временем, надеемся, поймет. Кубрин пишет «настоящую прозу», где «настоящая» — следствие пережитого опыта, а не внутренних рефлексий. Кубрин пишет долго. С надрывом. Не заигрывает с читателем. А просто говорит: «Я простой парень, который живет обычной жизнью». Но в этой обманчивой простоте и таится очарование пензенского автора, чья дебютная книга «Виноватых бьют», вне всякий сомнений, найдет отклик в читательских сердцах.

- *Давай начнем с вопроса, кто ты: писатель, полицейский, следовательно, а может, кто-то еще?*
- Я не знаю. Представления меняются чуть ли не ежедневно. Пожалуй, проще вообще не задумываться, кто я. Просто делать пусть и рутинную, но каждодневную работу. Относиться к жизни как к бесконечной цепочке трудовых обязанностей и правил. Я не знаю, кто я — писатель-полицейский или полицейский-писатель. Возможно, одно слово в этой связке вообще лишнее. Сегодня я полицейский, завтра не полицейский. С писательством такое не пройдет: сегодня я что-то пишу, и, скорее всего, буду писать и завтра. Даже если перестану служить в системе правоохранительных органов.
- *Когда ты понял, что ты хочешь помочь свершаться правосудию? Что вообще заставило тебя выбрать эту работу?*
- Я никогда не хотел служить в правоохранительных органах. Мечтал заниматься корпоративным правом, правовым консалтингом для крупных компаний. Но после армии не смог оперативно перестроиться на гражданские рельсы. Нужно было устраиваться на работу. Мне тогда казалось, что время уходит. В студенческие годы время тянулось медленно, а потом вдруг резко ускорило. Я испугался, что не успею

- реализоваться как человек, получивший юридическое образование. Впитав в себя особенности системы власти и подчинения (я говорю об армии), я понял, что этот формат мне понятен. Пошел в следственное управление по Пензенской области и спросил, есть ли там вакансии следователей, потому что следователь — это реализация юридической профессии в уголовном пространстве. Меня взяли. И вот я уже почти 8 лет не могу сойти с этих рельсов и каждый день выполняю эту работу.
- *Не жалеешь о сделанном выборе? Возникают ситуации, когда ты понимаешь, что все могло бы сложиться иначе?*
 - Да, я жалею, не буду лукавить. Все пошло не так, как я себе представлял. Но загадка в том, что «мы всегда становимся не теми, кем хотели стать». Это слова Харуки Мураками. Я согласен с ним. Почему так происходит — непонятно. Возможно, за нас решает мироздание. Возможно, не я выбрал профессию, а профессия выбрала меня. И вообще — не стоит мыслить категориями «жалею» и «не жалею», «нравится мне эта работа» или «не нравится». Я просто ее выполняю. И работаю я не на руководителей, следственное управление или управление Министерства внутренних дел. Я работаю на государство и на отдельно взятого гражданина.
 - *Что важнее в этой связке для тебя – государство или гражданин?*
 - Сложный вопрос. Если государство — это для всех нас, всех граждан, то, наверное, и на тех и на других. Но интересы отдельно взятой личности для меня более существенны, чем интересы государства. Ведь государство может выстоять перед различными ударами и противоречиями. А человек, несмотря на силу, полученную в результате божественного промысла, все равно остается очень слабым. Нкие-то удары судьбы в одиночку он пережить просто не способен. Поэтому я всегда за человека, а не за государство.
 - *Это чувство, что ты можешь помочь человеку добиться справедливости, оно было в тебе всегда?*
 - Я не уверен, что у меня есть какое-то чувство справедливости. Просто я очень переживаю за последствия, которые могут настичь человека, если он не получит помощи. Когда я вижу кого-то нуждающегося в помощи, я думаю, что, если я не предприму попыток, чтобы ему помочь, страдать буду я, а не человек, попавший в сложную ситуацию. Может быть, это и есть чувство справедливости, не знаю. По большому счету мне все равно, получит человек наказание или нет, освободят его от ответственности в суде или отправят в исправительное учреждение. Важна ведь не строгость наказания, а его неизбежность. С другой стороны, я не испытаю и разочарования, если человека не накажут. Это очень сложная система. Главное, по-моему, чтобы был некий паритет, консенсус.
 - *Ты только что сказал, что ничего не выбираешь и есть некая предопределенность. То есть ты считаешь, что есть некий фатум, что мы движемся по рельсам, с которых не свернуть, ничего не выбираем? Или все-таки есть поле для маневра, чтобы мы пришли к мечте?*
 - Мне хочется верить, что есть судьба и фатум. Но, по-моему, человек все-таки ответственен за каждый свой шаг. Говоря, что судьба и профессия выбрали меня, возможно, я сам себе противоречу. Ведь в моих силах все изменить. И добавлю: у меня никогда не было мечты стать следователем — ни старшим, ни младшим.
 - *А какая у тебя была мечта?*

- Я хотел стать учителем русского языка и литературы. Или переводчиком. Или журналистом. А поиски преступников и доназывание вины оставались территорией сериала «Улицы разбитых фонарей», который мы все смотрели в 90-е годы. Никогда не мог подумать, что я надену форму. Мне это очень претило и не нравилось. Но в итоге я в форме. И учителем русского языка мне уже не стать.
- *А что мешает?*
- Мешает чувство самозванца. Я считаю, что каждый человек должен заниматься профессией, по которой получил образование. Если я что-то там пишу, это совсем не говорит, что я могу учить детей литературе или русскому языку. Ведь пишу я интуитивно, а когда работаешь учителем, нужна система образовательного подхода.
- *Как обстоят дела с чувством самозванца в литературе?*
- Оно всегда со мной. Я не очень понимаю, как так получилась, что мои тексты изданы и стали книгой. Мне кажется, меня вот-вот разоблачат.
- *Когда именно ты понял, что ты хочешь писать? Был тот день, когда ты сказал себе: «Я хочу быть писателем»?*
- Это было классе в десятом. Я ничего такого не говорил. Просто сел и начал писать текст. Я был в школе, а потом вернулся домой, взял какую-то книгу (названия не помню, помню только, что это была книга в зеленой обложке) и, прочтя ее, понял, что тоже хочу писать. Ну и начал.
- *Как складывался этот путь? У тебя сразу стало получаться?*
- У меня сразу стало не получаться, и меня это очень раздражало. Я не понимал, как создаются тексты и как те, у кого получилось, добиваются успеха. Тогда я ориентировался на премию «Дебют». Прочел повесть «Бесконечность» Ульяны Гамаюн и очень вдохновился. Я подумал: «Вот как нужно писать». Потом прочел что-то другое и понял, что можно писать иначе. В итоге начал искать какие-то свои внутренние механизмы и очень долго не мог их найти. Все написанное казалось вторичным и ненужным. При этом меня рано начали публиковать, и я не понимал почему. Я думал, что это случайность. Я и сейчас думаю, что происходящее со мной в литературе — это череда случайностей. Я еще никому ничего не доказал. Как следователь я обязан доказать вину преступника. Как человек, работающий с текстами, — что я не самозванец. И что книга, изданная в «Редакции Елены Шубиной», — это подтверждение того, что я умею, а не выданный мирозданием аванс.
- *Я вижу противоречие. Ты несколько раз был финалистом и один раз лауреатом «Лицея». Разве это не доказательство, что ты пишешь хорошо? Шамиль Идиатуллин говорил: «Берите пример с Кубрина. Он пишет и побеждает».*
- Свой опыт я воспринимаю скорее как пример для тех, кто не попадает в финалы премий. Пишите много, пробуйте, пишите снова, повторяйте опыт — и тогда вы однажды добьетесь успеха. Но при этом меня лично выходы в финалы не избавили от чувства самозванца. И даже победа в «Лицее» не помогла.
- *Но она как-то тебя изменила?*
- Нет. У меня до сих пор нет уверенности, что я могу этим заниматься. Да, есть какие-то внешние проявления, что все вроде бы идет как должно. Но внутренне я очень неуверенный в себе автор. Я могу порадоваться, прочитав анонс презентации своей книги, где напи-

- сано, что «Нубрин — писатель». Но это просто картинка. Да, эффектная и красивая. Но я, ни просыпаясь утром, ни засыпая вечером, не могу сказать себе: «Сережа, ты писатель». Никаной ты не писатель, говорю я себе. Потому что никаких писателей не существует.
- *Раз писателей не существует, что значит быть писателем в твоём понимании?*
- Я не знаю, что такое быть писателем. Можно, наверное, сказать, что человек, который пишет тексты, тоже писатель. Но скорее все же не писатель, а автор текста. Писатель — это, пожалуй, тот, кто проживает жизнь через текст. Воспринимает жизнь через текст.
- *Твой случай?*
- Да, я тот человек, который должен прочувствовать и записать все, что он видит. Но при этом себя писателем я не ощущаю. Значит, писатель — нечто иное. А что — я не знаю.
- Если я когда-то это узнаю и это знание совпадет с внутренним восприятием, вот тогда, наверное, я и пойму, кто такой писатель, и смогу себя назвать таковым.
- *И тем не менее... Ты уже не играешь в пятом литературном дивизионе. «Редакция Елены Шубиной» — это высшая лига. Что изменилось, когда ты взял в руки изданную книгу?*
- Я начал очень сильно паниковать — купят книгу или нет. Вот и все. Все вертится вокруг неоправданных ожиданий. Я думаю: «Оправдаю ли я ожидания “Редакции Елены Шубиной”, которая поверила в молодого автора?» Все, что я делаю в жизни, строится на основе компромиссов и поиска взаимовыгодных решений. Я не хочу быть никому должен. Хочу оправдать доверие. И сейчас меня больше всего волнует, оправдал ли я доверие издателя и читателей, которые купят книгу.
- *Синдром отличника в чистом виде.*
- Возможно, ты прав. Я отличник по жизни — в школе и институте, на работе.
- *Тебе сложно жить в такой системе координат? Ты все время должен кому-то что-то доказывать?*
- Да, очень сложно. Последние несколько лет я борюсь с этим синдромом. Целенаправленно не выполняю какие-то служебные обязанности.
- *То есть саботируешь?*
- Да. Потому что знаю — нужно с этим чувством бороться. Синдром отличника ни к чему хорошему не приводит. Ты сам себя загоняешь в рамки и рано или поздно сойдешь с ума. В школе меня хвалили учителя. В семье — родители. В институте я учился на отлично. А на работе тебя уже не хвалят. Наоборот, зачастую предъявляют претензии, что у тебя все получается. И тебе вроде бы все равно. Ты, казалось бы, уже не зависишь от мнения окружающих. Но сейчас я понимаю, что, говоря такие слова, я обманываю всех.
- *Ну так скажи правду.*
- Правда вот в чем: я хочу, чтобы все думали, что я саботирую, а на самом деле хочу остаться отличником. Я хочу всех обмануть. Быть раздолбаем, оставаясь отличником. Вот это будет истинная победа. Потому что если ты будешь просто раздолбаем, то ничего не достигнешь. Будешь всегда отличником — саморазрушишься. А вот если ты всех обманешь, тогда по-настоящему победишь.
- *Как относятся к твоим литературным успехам на работе?*

- Я очень надеялся, что я не буду об этом говорить. Ведь с этим есть проблемы. В последнее время высшее руководство предъявляет мне претензии, что я занимаюсь не тем, чем надо, что я пиарюсь в соцсетях, а не расследую уголовные дела.
- *Что ты занялся работой на личный бренд?*
- Ага. Я пытаюсь объяснить, что каждый занимается своим делом: кто-то вечерами пьет водку, кто-то берет взятки и сидит в следственных изоляторах, а я занимаюсь достойным делом русского офицера. Я пытаюсь все это объяснить, но меня не слышат и заставляют выбрать что-то одно.
- *То есть «завяжи с писательством, будь следователем»?*
- Да-да! Потому что быть следователем и писать книжки — неправильно. Меня упрекают. При этом у меня отличные служебные показатели. Но, наверное, люди из главнов считают, что я могу больше.
- *Как в полиции определяются отличные показатели?*
- Количество направленных в суд законченных уголовных дел. Если ты следователь, важно, сколько дел ты направил в месяц в суд, состоялись ли по ним обвинительные приговоры.
- *Как все происходит? Давай абстрагируемся от «Улиц разбитых фонарей», чтобы увидеть реальную картину работы следователя.*
- У меня в производстве, снажем, пятнадцать уголовных дел. По каждому есть раскрытые преступления — дела, по которым уже преступления установлены, например, сотрудниками уголовного розыска. Моя задача — доказать вину тех, кого обвинили. Оперативник приходит к тебе и говорит: «Сергей, мы установили лицо, ответственное за вчерашний разбой». Проведя комплекс следственных мероприятий, я должен либо доказать вину человека, либо опровергнуть его причастность к совершению преступления. Этим я и занимаюсь — принятием законных и обоснованных решений. Есть еще не раскрытые дела, и я должен принять решение, какие следственные действия провести, чтобы установить виновных. Все в итоге упирается в количество: чем больше уголовных дел ты завершил, чем больше лиц привлечен к ответственности, тем лучше ты работаешь. Я работаю неплохо. Но «наверху», видимо, думают, что я могу работать лучше. Но я не могу работать лучше. Более того, если я завяжу с литературой, ничего хорошего из этого не выйдет.
- *Почему?*
- Моя повседневная жизнь — это служба. А повседневность зависит от того, получается ли у меня что-то в литературе. Смог ли я сегодня написать кусок текста, который заставит жить завтра. Это первооснова, фундамент. Очень серьезный базис: если у меня что-то получается в литературе, значит, я крепко стою на ногах. А если я не смог написать ничего стоящего, все остальное кажется вторичным и ненужным.
- *То есть литературное творчество — это то, что тебя мотивирует жить?*
- Выходит, что так. Причем это касается не только службы, но и мирских задач: сходить в магазин, на свидание. Не знаю, почему так, но это так.
- *Не думаешь ли ты, что упреки — следствие зависти коллег? Зависти к тому, что за пределами службы у тебя есть очень-значимое-занятие, которое к тому же привлекает общественное внимание. И ты становишься как бы больше, чем просто полицейский, больше, чем просто следователь. В глазах коллег ты как бы стоишь выше, чем они.*

- Я бы мог так подумать, если бы коллеги, назовем их так, если бы мои руководители понимали, что такое литература. А они, мне кажется, книжек-то особо не читали. Но главное — до сих пор не понимают, что у меня здесь все по-настоящему. Наверное, в их понимании это какая-то блажь, баловство, мешающее службе. Но ведь это не так. Впрочем, я уже не пытаюсь им это объяснить. Одно время я молчал. Потом не молчал. Причем поначалу руководству мои литературные успехи были даже интересны. Меня отпустили на мероприятия. Согласовывали мои выступления в местных СМИ.
- *Ты был таким интеллектуальным представителем правоохранительных органов, да?*
- Нечто такое, да. Но теперь все иначе. Пошла другая волна. Я чувствую, что в МВД не хотят, чтобы я где-то светился. Хотя я искренне уважаю службу и не скажу о ней ничего плохого. И не только потому, что я ограничен профессиональными обязательствами, а потому, что действительно верю, что большинство правоохранителей занимаются нужным и важным делом. В общем, пока я так и не разобрался — зависть это с их стороны или просто попытка меня уколоть.
- *Но ты болезненно реагируешь на эти уколы?*
- Нет, мне это даже нравится. О'ней, будем откровенны: в глубине души я осознаю, что мне завидуют. Ты опять вытащил из меня правду. Ну конечно, мне все завидуют. Так я и скажу. Хватит пытаться угодить и нашим, и вашим. Как у нас говорят в Пензе, «и мордвам, и чувашам». На самом деле правда одна: уважаемые руководители, вы просто мне завидуете. Оставьте меня, пожалуйста, в покое, дайте мне расследовать дела и заниматься литературой.
- *Если в какой-то момент возникнет выбор — литература или полицейская служба, — что ты выберешь?*
- Я всегда знал, что пойду в литературу. Это изначально было определено, и с течением времени я утверждаюсь в таком понимании. Рано или поздно служба закончится. Я даже точно знаю когда: через девять лет, когда я уйду на ведомственную пенсию. В литературе сроков выслуги нет. Она бессрочна.
- *А где ты видишь себя через девять лет?*
- Надеюсь увидеть себя раньше этого срока в смежной полицейской службе профессии. Хочу заниматься адвокатской деятельностью. Пойми, задача следователя — не только наказать человека, но и установить истину по уголовному делу. Я уже сказал, что ищу справедливость. Задача адвоката — установить истину по делу. Адвокат собирает доказательства. И следователь тоже. Человек может быть виновным или невиновным. По сути, эти двое ничем не отличаются. Только в фильмах есть добро и зло. В жизни следователь иногда уступает тем же адвокатам, когда собирает доказательства и убеждается, что человек невиновен. И принимает решение о прекращении уголовного преследования. Адвокат, даже если человек виновен, не может отказаться от защиты. Я все-таки себя ощущаю защитником изначально. Поэтому хочу стать адвокатом.
- *Тут возникает нравственный аспект. Когда ты знаешь, что человек виновен, но, будучи адвокатом, ты должен доказать, что он невиновен, — не возникнет противоречия?*
- Может, и возникнет. Но надо понимать, что адвокат в первую очередь реализует право гражданина на защиту. Иногда случаются неверные

интерпретации со стороны правоохранителей. Но есть законы, поддерживающие систему. Адвокат указывает на них. И даже если не спасает человека, то уменьшает срок наказания или добивается иных смягчающих обстоятельств. Я считаю, что это очень интересная, а главное, добрая профессия — адвокат, защитник. Ну и плюс ко всему неплохо оплачиваемая. Но важнее все же, что она связана с нравственностью. Это то, что важно для писателя.

- *В твоей работе возникают привязанности? Когда видишь человека, который пошел не по тому пути, видишь, что обвиненный совершил ошибку, и хочешь помочь. Не возникает желания стать участником судьбы человека и попробовать его поставить на другие рельсы, вывести из «серой» зоны, сделать так, чтобы он жил по закону?*
- Если передо мной молодой парнишка — чаще ребята привлекаются, чем девушки, — то, конечно, да. Многие ведь действительно встают на путь исправления. Ребята видят, что следователь — это не злодей в погонах. А такой же человек, который ошибается. И признает ошибку. Иногда достаточно просто поговорить с человеком, чтобы он поверил, что жизнь не серая. Что у нее множество оттенков. Что путь преступления — это не единственный путь. Искренне надеюсь, что ребята, которые проходили через мои руки, впредь не будут нарушать закон. Да, есть те, кто хочет в тюрьму. Есть те, кто случайно попадает в жернова закона, но закон должен исполняться, и ты его представитель. Но в сухом остатке — осознание, что ты должен снять маску нарающего служителя закона и остаться человеком.
- *При этом ты жесткий человек? Можешь быть жестким, если того требуют обстоятельства?*
- Я могу быть жестким, но после каждого проявления жесткости я восстанавливаюсь очень долго. Мне проще, чтобы все шло тихо, мирно и спокойно.
- *Мягкого Кубрина мы хорошо себе представляем — это человек, который пытается решить сложные вопросы дипломатическим путем. А как проявляет себя жесткий Кубрин?*
- Минимум разговоров. Разговоры по существу. Очень прямолинейная тактика допроса. Самые суровые меры, которыми ты обладаешь как следователь. Например, заключение под стражу, когда можно обойтись подпиской о невыезде.
- *Когда ты подписываешь срок, ты чувствуешь ответственность за то, что ты сделал, что это твое решение и ничье больше?*
- Да.
- *И как ты с этим живешь?*
- Очень долго восстанавливалась. Но иногда другого пути просто нет. Иногда ты просто обязан принимать жесткие меры. Иногда нужно проявлять жесткость (но не жестокость!). Иначе бы мир рухнул. Есть те, кто всегда идет по пути самых суровых мер наказания. Но это тоже крайность. Нужен баланс.
- *Можешь вспомнить самое жесткое решение, которое ты принял на службе?*
- Мне кажется, оно касается только меня. Оно в том, что все эти годы я работал без сна и отдыха. Это жесткость по отношению к самому себе.
- *Без сна и отдыха — в буквальном смысле? Как выглядят твой среднестатистический день, твоя неделя? Сколько ты спишь, когда ты встаешь, когда ложишься? Когда не спишь, когда ты не ложишься?*

- В восемь утра я должен быть на работе. Уходишь с работы, как правило, поздно вечером. График ненормированный. Есть еще суточные дежурства — сутки на работе, после которых следует отсыпной день. Но поскольку на тебя валится лавина уголовных дел и по каждому делу есть процессуальные сроки, которые ты не можешь нарушать, ты обязан оставаться и продолжать работу. Фактически выходных нет неделями. Ты всегда на работе. Всегда на службе. Это совсем неправильно. Это нехорошо.
- *Что тебя удерживает в этом графике? Что мешает сказать: «Мне это надоело, я ухожу!»?*
- Я говорю это себе каждый день, как и большинство моих коллег. Но почему-то лишь единицы действительно куда-то уходят.
- *Почему не уходишь ты? Это решение уже созрело в тебе?*
- Я бы сказал, что должен нести это бремя, защищать доброе имя следователя.
- *Это хорошая декорация. А если «по чесноку»?*
- Ну хорошо. Я достиг определенных профессиональных высот, которые позволяют мне работать не то чтобы не напрягаясь, но осмысленно и уверенно. Это первое. Второе (важнее): я боюсь перемен.
- *Боишься столкнуться с неизвестностью? Боишься, что не будет зарплаты и стабильности? Или чего-то еще?*
- Да, я живу в стабильном мире. Каждый месяц в строго определенный день приходит денежное довольствие. Я знаю, сколько я получаю и как на эти деньги жить. Я знаю, что, возможно, к Новому году мне дадут премию, а может быть, оплатят переработку в ненормированные рабочие дни. Если я уйду, такой уверенности у меня уже не будет. Возможно, я выиграю, возможно, я проиграю. Я человек системы. Но иногда выпадаю из нее и как бы начинаю видеть мир вокруг. Идя на работу в выходной день, я вижу счастливых людей, которые не работают. Я вижу улыбки. Иногда вижу слезы. Все мы плачем время от времени. Но я вижу живых людей. И в такие минуты понимаю, что я тоже могу выйти из системы. И верю, что наверняка справлюсь. Ведь, что уж лунавить, я не совсем глупый человек и, конечно, не пропаду. Я работаю с этим. С каждым днем я все ближе к тому, чтобы сделать решительный шаг. Было бы круто сказать, что я остаюсь в системе, потому что должен служить государству и служить людям. Но это была бы очередная ложь. Ты заставляешь меня говорить правдивые вещи.
- *Давай копнем глубже: работа следователем — это стопроцентная определенность. Понимание, что ты получишь зарплату, возможно, премию и переработки, а литература — это полная неизвестность. Ты не знаешь, получится у тебя текст или нет, более того, даже если он получится с твоей точки зрения, его, возможно, не примет аудитория. Что тогда тебя мотивирует продолжать заниматься литературой при полной неопределенности этого действия?*
- Первое: я не рассматриваю литературу как источник заработка. Да, было бы идеально зарабатывать писательством, чтобы ни в чем не нуждаться. Но я прекрасно понимаю, что вероятность такого исхода — один шанс на миллион. Я готов к тому, что я ничего не зарабатываю своими текстами. Готов кануть в неизвестности. Я смотрю на вещи вполне трезво. Понимаю, что большинство людей не знают, кто такой Сергей Нубрин. И это тоже своеобразная оперативная работа. Вот я вроде бы в литературном пространстве. Но меня как бы в нем

пона и нет. Я наблюдаю, присматриваюсь — как ко мне относятся, читают меня или не читают. Это же чисто ментовская тема — остаться незамеченным, но при этом быть внутри, снажем так, «бандитской группировки».

- *Так, ты сам сказал слово «ментовская». Где разница между ментом и полицейским?*
- Полицейским может стать каждый, для этого нужно пройти определенные испытания: сдать физподготовку, пройти по здоровью и убедить руководство, что ты достоин служить государству. Ментом удастся стать далеко не каждому. Если бы кто-то назвал меня ментом, это было бы истинное поощрение. Не мусором, а ментом. Мент — это звучит достойно. А полицейский... Это просто слово. У нас миллион полицейских.
- *Ты ощущаешь себя ментом?*
- Нет, точно нет. Но и полицейским тоже ведь не ощущаю. Я просто человек, который ходит каждый день в Первомайский отдел полиции города Пензы и что-то там делает. А когда это человек выходит из отдела, он просто остается собой.
- *Но ты хочешь стать ментом? Раствориться внутри системы, сформировать сеть информаторов, установить нужные связи и тому подобное?*
- Нет, не хочу. Это точно не мой путь. Я понимаю, что полицейская работа — нечто сиюминутное. Хотя и длится уже восемь лет. Может, это и немного. Но ведь уже половина служебного пути.
- *Дает ли эта работа тебе адреналин?*
- Да, действительно. Она дает энергию и одновременно чудовищное чувство усталости. И все вместе это заставляет меня писать. Когда я ничего не делаю, например, в отпуске, я вообще не пишу. Я вечно жду отпуска, чтобы написать большой кусок текста, но, когда он приходит, я не могу выдавить из себя ни слова.
- *И что ты делаешь в отпуске?*
- Смотрю сериалы, пью пиво, что-то делаю. Иными словами, паразитирую. Поэтому я очень не люблю отпуска.
- *Раз мы заговорили об адреналине... Бывают в работе ситуации, когда тебе становится по-настоящему страшно? Скажем, ты едешь на разбой и понимаешь, что что-то может пойти не так.*
- Скорее нет. Я же не один езжу. Пойми, я следователь, а следователь — это такая «голубая кровь» в системе МВД. Следователь — это главный сотрудник, где бы он ни был. Это человек, дающий поручения сотрудникам уголовного розыска, руководящий следственной группой на местах происшествий. Когда ты приезжаешь, ребята из ППС уже оцепили территорию, провели осмотр. Никакой опасности уже нет. Ты просто протоколируешь случившееся. У меня есть табельное оружие, которое я никогда не применял. И вряд ли когда-то применю.
- *Ты осознанно выбрал эту безопасную зону и территорию?*
- Выбрал ее лишь потому, что следователь — единственная профессия в МВД, которая требует наличия юридического образования. Мне важно было сохранить юридический стаж — я же все еще хочу стать адвокатом.
- *Как тебя принимают коллеги? Молодой следователь наверняка вызывает вопросы? Приехал зеленый Кубрин, дает распоряжение каким-то матерым оперативникам, которые первыми приезжают на места преступлений и работают на первой линии опасности.*

- Тут важно понимать, что война — дело молодых. На районном уровне у нас тут служат только молодые ребята. На их фоне я уже немолод, ведь в большинстве своем это выпускники ведомственных академий или гражданских вузов. Ребятам в среднем лет двадцать пять. А все эти старые состоявшиеся сотрудники протирают штаны в главках и управлениях. С ними в повседневной работе мы не пересекаемся.
- *И тем не менее: были в твоей работе ситуации, когда тебе становилось по-настоящему страшно? Когда ты по-настоящему испугался?*
- Да пожалуй, нет. Было бы неплохо, если бы я ответил: вот однажды я приехал на место преступления, зашел в темный подъезд, а там такое... Но правда в том, что это сюжеты из книжек и фильмов. Единственный страх, который я испытываю, — это нарушить срок следствия, за что тебя накажут.
- *Накажут как?*
- Иногда рублем, иногда неполным служебным соответствием.
- *Что такое неполное служебное соответствие?*
- Одна из высших мер наказания, когда руководство ставит под сомнение, можешь ты занимать должность или нет.
- *Может быть, тебе стоит сознательно ошибиться, чтобы тебя выгнали со службы?*
- Одна из частых мыслей, которую почти каждый сотрудник произносит про себя ежедневно: «Что же сделать такого, чтобы меня выгнали?» Сами не уйдем, но, если попросят, скажем спасибо. Может быть, и стоит ошибиться. С другой стороны... На этой неделе меня пугали неполным служебным соответствием. Я не испугался. Я разозлился. Не меня им пугать неполным служебным соответствием.
- *На понт не взяли.*
- Нет, не взяли. Я действительно очень сильно разозлился, ушел и сделал выводы. И если возвращаться к вопросу, что меня по-настоящему пугает... Я боюсь нарушить срок следствия. Боюсь, что незаконно «закрою» человека — заключу под стражу на срок следствия.
- *Такое было?*
- Такого не было, но были определенные предпосылки. Суть в том, что ты лишаешь человека свободы, потому что считаешь, что он виновен. А потом не находишь доказательств. Впрочем, в моей практике такого все же не было — чтобы невиновный сидел в тюрьме. Может быть, потому, что я работаю в провинции и не занимаюсь резонансными федеральными делами.
- *Какие дела ты в основном ведешь?*
- Кражи, грабежи, разбои, мошенничества, причинение телесных повреждений разной степени тяжести. Экономические преступления: присвоения, растраты, превышение должностных полномочий.
- *Вернемся к писательству. Как у тебя остаются силы, чтобы писать? Есть работа, которая отнимает очень много времени, и ты при этом говоришь, что тебе нужно быть в этом безумном графике, чтобы создавать тексты.*
- Это система, к которой я себя заставил привыкнуть. Есть правило: если я работаю над текстом, я пишу каждый день. Плохо или хорошо, но каждый день. Каждый день — это не значит, что я обязан написать 2000 знаков. Возможно, я напишу всего одно предложение, на которое потрачу два часа (больше двух часов я писать не могу). Так вот, система в том, что я просто пишу каждый день вне зависимости от обстоятельств. Пишу, психую, перечитываю, удаляю все. Снова пишу.

Я на самом-то деле человек очень психованный. Когда занимаюсь литературой. Да и вообще, наверное, в жизни тоже.

- *Психованный мент?*
- Психованный Кубрин. Просто конченный псих, мне кажется. Бывает так, что я складываю по листочку тома уголовных дел, чтобы подшить и направить. Но потом что-то идет не так, все листы разлетаются по кабинету. И я снова собираю листочки.
- *Без швыряния дел по кабинету никак?*
- Так я высвобождаю нанопившуюся внутри злость. С текстом так же: стоит мне понять, что у меня не получается, что написано плохо, я удаляю все безвозвратно. Мне легче уничтожить все. Лучше я напишу заново, чем буду тянуть неудавшуюся строчку. От строчки к строчке, от страницы к странице, чтобы в итоге понять, что написал дерьмо.
- *Хемингуэй называл это внутренним писательским радаром. Когда ты понимаешь — текст получается или текст не получается?*
- Я надеюсь, этот радар срабатывает сразу, а не после того, как плохой текст написан и отлежался. Я, наверное, поэтому очень медленно пишу. Моя рутина выглядит так: написал — удалил, написал — удалил, написал — удалил. Написал еще. И понял, что наконец получилось неплохо. И потом выясняется, что это действительно неплохо, потому что редактор твоей книги Алексей Портнов говорит: «Это неплохо, старик».
- *То есть в литературе ты улитка, не рысь?*
- Да, я пишу очень медленно, очень осторожно. Удачное слово рождает второе удачное слово. Удачное предложение — второе предложение. Я пишу не в потоке. Не стихийно. Не отключившись. Не впадая в транс. Пишу рационально. Недавно услышал фразу: «Когда молишься, нельзя испытывать ни чувство восторга, ни чувство сожаления». Мне кажется, написание текста — то же, что и молитва. Ты должен лишить себя эмоций, очень хладнокровно, как настоящий чекист — с холодной головой, без горячего сердца — «чистыми руками» написать текст.
- *Какая цель у текста? Зачем он появляется?*
- На все вопросы я нахожу ответы, когда что-то напишу. Недавно я написал такую фразу: «Мы пишем не для того, чтобы помнить, а для того, чтобы забыть». Я пишу, чтобы что-то забыть, пережить. Чтобы я к этому больше никогда не возвращался. Не затем, чтобы увековечить нечто в своем сознании или в сознании читателя. Я пишу, чтобы прожить и пережить, забыть. Чтобы понять, что я освободился от внешних обстоятельств (о которых пишу) через текст.
- *Писательство как психотерапия?*
- Да, видимо, так.
- *От чего ты пытаешься избавиться, когда писал «Виноватых бьют»? Что ты хотел забыть?*
- Я хотел забыть службу. Не случайно же оперативник Жарнов испытывает профессиональную деформацию и творит ужасные вещи. Не случайно все в его жизни рушится. Свои неудачи в жизни я связываю со службой. И теперь, когда я написал новый текст, мне кажется, я перешел на новый уровень. Я жду нового этапа в жизни. И верю, что он вот-вот наступит. Я попробую новое и окончательно снажу службе: «До свидания!» Написание книги «Виноватых бьют» стало моим прощальным ритуалом со службой в полиции, с прежним собой. Ведь если я продолжу службу, и писать я буду о службе. А я не хочу быть автором полицейских рассказов.

- *Путь Марининой – не твой путь?*
- Категорически нет! Я понялся, я заренся — что я не напишу больше ни одного полицейского рассказа. За базар надо отвечать, слова нужно держать, клятву исполнять. Может случиться так, что в таком сценарии я вообще больше ничего не напишу. Но я верю, что все же напишу. Если нащупаю новое — а я нащупал новое, — смогу писать о другом. Но никаких больше бандитов, преступников и полицейских.
- *«Пиши о том, что знаешь» – так говорят многие состоявшиеся писатели. А ты сознательно уходишь от этого опыта. Почему?*
- Я не буду развиваться, если буду и дальше писать полицейские рассказы. Я буду повторяться, копаться и барахтаться в луже, в которой я уже искупался.
- *Виктор Пелевин сказал, что писатель в течение жизни пишет одну и ту же книгу. Ты с ним не согласен?*
- Согласен отчасти. Но сколько примеров писателей, пишущих разные книги. Я хочу писать разные книги. Я хочу написать роман, после которого снажут: «Нубрин может не только о ментах и солдатах».
- *Почему бы не продолжить, если у тебя это хорошо получится? А что тебя так пугает быть ментом? Почему ты так этого боишься?*
- Быть ментом в литературе?
- *Да.*
- Я хочу понять, кто я есть. Не так уж важно, что обо мне снажут. Но если я продолжу писать о ментах, то я не смогу увидеть нечто важное, что могу увидеть. Не смогу узнать нового себя. Не буду развиваться.
- *Что в твоём понимании развитие?*
- Новые обстоятельства, которые нужно пережить. Причем желательно — обстоятельства непреодолимой силы, с которыми нужно встретиться лицом к лицу.
- *То есть получить выговор и вылететь со службы?*
- Да. Чтобы пройти новые испытания.
- *Но при этом по независящим от тебя обстоятельствам?*
- Желательно да. Важно, чтобы все прошло максимально жестко. Чтобы это было так жестко, что ты жалел бы о последствиях случившегося. Но в итоге все равно победил. Я не хочу спокойной жизни...
- *Пока я слышу, что ты не хочешь ответственности за свои решения.*
- Ну, наверное. Иначе бы я уже давно ушел со службы. Да, наверное, ты прав.
- *Ты сказал, что нащупал новую тему, которая не связана с полицейской работой. О чем ты хотел бы писать или о чем уже пишешь сейчас?*
- Сейчас я вообще ничего не пишу. Это довольно странно, потому что пишу я всегда. Я нашел тему. Хочу написать роман о чуде.
- *Что в твоём понимании чудо?*
- Чудо — это то, на что ты не можешь влиять прямо или косвенно. То, что происходит с тобой постоянно.
- *Изданная книга – это чудо? Твоя изданная книга?*
- Чудом было бы то, что ее прочтут много людей.
- *То есть тебе важно признание?*
- Да, очень важно.
- *Ты тщеславен?*
- Да! Уверен, что да. Мог бы сказать: нет, мне все равно. Неважно, что обо мне снажут, неважно, прочтут книгу или нет, — я же просто пишу

- для себя. Но это было бы все очередной ложью. Литература подразумевает, что тебя читают. Мне важно получить прижизненное признание.
- *То есть ты остаешься отличником, который пытается всем доказать, что он очень хороший писатель?*
- Ну, наверное, так.
- *То есть истинный драйвер твоего творчества – чтобы тебя признали?*
- Нет! Смотри: я хочу признания. Но пишу не только для того, чтобы меня признали. Я пишу, потому что мне это важно. Есть один молодой писатель — не буду называть имя. Его многие любят, он известен. Я считаю, что он пишет ради успеха и признания. Он и сам об этом говорит: «Я успешный молодой писатель, и все, что я делаю, я делаю ради денег».
- *А ты?*
- А в основе моего творчества нет изначальной мотивации заработать.
- *Но ведь монетизация творчества – синоним успеха. Деньги – одно из мерил этого признания. О'кей, бог с ними, с деньгами. Победа в «Ясной Поляне» или «Большой книге» (опустим денежные составляющие премии) – это признание?*
- Да, это признание.
- *Ты пишешь, чтобы победить в премиях?*
- Скорее нет. Я не пишу для премии. Я выходил в пять финалов «Лицея». Но я писал не для премии. Я отправлял что-то на премию потому, что мне всегда было что отправить.
- *С какой мотивацией ты отправлял текст на премию? Зачем?*
- Из спортивного интереса.
- *Доказать всем, что ты крутой?*
- Да. Посоревноваться. Мне важно быть первым, победить.
- *То есть литература – это соревнование?*
- Да, я думаю, что литература — это спорт.
- *А выступление на Красной площади – это признак победы в этом соревновании? Может быть, промежуточный, но все же. На встречу с писателем Кубриним придут люди, которые потратят время на то, чтобы послушать, что ты им будешь рассказывать.*
- А если не придут?
- *А если они не придут, ты, наверное, сильно обломился.*
- Да. Это вообще будет крах.
- *Что ты испытываешь, когда придешь на встречу с читателями и увидишь пустые стулья?*
- Я к этому готовился. Тан, снажем, прорабатывал эту возможность. Если так случится, я приму это как должное. Но только потому, что к этому готовился. Повторюсь, я не ношу розовых очков и вполне понимаю, что как писатель могу быть никому не интересен.
- *Если никто не придет, ты прекратишь писать?*
- Точно нет.
- *И что же заставляет тебя продолжать? Значит, не признание, а что-то еще...*
- Видимо, все же не признание. Меня будоражит потребность придать жизни словесную форму. Пока я не написал, я не понял, не пережил. Ну а дальше: если текст уже написан и книга издана, важно, чтобы ее прочли. И дали обратную связь.
- *Ты читаешь отзывы на свои тексты и рецензии, которые пишут критики?*
- Попав в длинный список «Нацбеста», я сначала читал рецензии, а потом перестал. Видел, что пишут, и переживал. Расстраивался. А потом меня

- закручивала рутинная жизнь, и я забывал о негативе. Не могу долго переживать. Но очень расстраиваюсь, когда меня ругают.
- *Ну так ты сам сказал – когда тебя ругают, ты пытаешься доказать, что ты лучший. Сказал, что критика тебе помогает.*
 - Да, не вижу в том, что я говорю, противоречия. Я расстраиваюсь. И стараюсь сделать вопреки. Написать такой текст, который станут хвалить.
 - *Если бы тебя все только хвалили, ты бы продолжил писать?*
 - Да. Но стал бы сомневаться и попытался бы понять, в чем подвох. В моем понимании путь успеха — это не путь поощрения, а путь, когда тебя бьют, потому что ты в любом случае (вне зависимости от обстоятельств) виноват.
 - *Но в какой-то период жизни все-таки наступит этап, когда ты поймешь: все, у меня все получилось, я всем все доказал? Или ты всю жизнь будешь искать очередное доказательство, что ты не самозванец в литературе?*
 - Пойму, если напишу настоящий роман. Большой роман, который понравится мне. И тем, кто его прочтет.
 - *Что значит «настоящий роман»? А что значит «ненастоящий роман»?*
 - Ненастоящий роман — текст, лишенный фундаментальной основы. Выстроенный по лекалу и написанный, так сказать, по какой-то схеме, по плану. Текст, сделанный на основе повестки. Текст, сделанный по правилам, которые предъявляют к тексту. А настоящий роман — это текст, который строится назло и вопреки. И стоит на незыблемых основах. На православии, например, на самодержавии, народности. На том, что никак не связано с актуальной повесткой. Настоящий текст — это текст, который несет в себе очень масштабную идею.
 - *Но ведь «большие» тексты часто проходят незамеченными. Часто это текст, опережающий время, и его не понимают читатели, которым ты его даешь. Ты можешь написать большой текст и получить непонимание, и стать писателем, который издал большой роман тиражом 2000 экземпляров. Это тебя не пугает?*
 - Нет, потому что написанный текст все равно будет настоящим романом.
 - *Ты сам поймешь, что текст настоящий, или кто-то тебе об этом скажет?*
 - Я сам пойму. Если говорить о «Виноватых бьют», то я считаю, что это неплохая в целом книга. Поэтому если никто не придет на мое выступление на Красной площади, в моем мировосприятии ничего не изменится. Изменится факт признания, о котором я мечтаю. Но при этом я сам знаю, что написал хороший текст. То есть может быть так, что я не получу признания. Но один хороший текст (точнее, совокупность текстов — книга) уже есть.
 - *И все же что-то в этом уравнении не складывается. Из твоих слов выходит, что надо просто писать и не ждать, чтобы читатели приходили на встречи с тобой. Ты пишешь хорошие тексты и знаешь, что они хороши. Вот и все.*
 - А что, если ответ в том, что истинно настоящее в любом случае найдет отклик у читателей? А если текст плохой, он обречен на провал. Энергия плохого текста не даст ему толком выйти к читателю.
 - *Много плохих текстов дошли до читателей. Много хороших не дошли. Или дошли – были поняты спустя пару сотен лет. Ты готов смириться с тем, что твой текст признают гениальным, когда тебя уже не будет, лет через двести?*
 - Не, не готов.
 - *То есть тебе важно прижизненное признание?*

- Да, ждать, если честно, я не готов. Да, я могу предвидеть исход, что мои тексты канут в небытие. Но при этом я понимаю, что со мной происходят чудеса, и верю в чудеса. Будем честны: нига у Шубиной — это чудо. Но при этом я понимаю, что я обычный человек. И, скорее всего, не стану популярным писателем, настоящим — в общепринятом понимании.
- *Что значит «настоящим писателем»? Ты хочешь быть кем? Ты хочешь стать Алексеем Ивановым, которого очень активно экранизируют и о котором говорят «тиражный писатель»? Или Водолазкинским? На кого ты ориентируешься, если говорить о современной литературе? Кем ты хочешь быть?*
- Нинем.
- *Только собой?*
- Только собой. Мне нравятся разные авторы. Мой любимый писатель — Захар Прилепин. Но это не значит, что я хочу писать как Прилепин или жить как Прилепин. Хотя он, по-моему, живет очень правильно, достойно. Но я хочу свой путь пройти и остаться собой. Стать писателем Нубриным.
- *Ты говоришь, что ты пока не понял, кто ты, и при этом ты говоришь, что хочешь остаться собой. Тогда возникает вопрос: кто же такой писатель Кубрин? Быть может, это человек, сомневающийся в себе, жаждущий признания, которому неважно, придут ли на его встречи читатели. И при этом если никто не придет, надо будет как-то это пережить.*
- Пожалуй. Человек сомневающийся, жаждущий признания, который расстроится, если не случится признания. Но который — если признание не придет — не прекратит писать.
- *Но может что-то такое произойти в твоей жизни, после чего ты бросишь писать? Где та грань отчаяния, переступив которую ты скажешь: «Я никогда больше не буду этим заниматься»? Ты представляешь себя вне литературы?*
- Нет, я не могу себе такого представить. Скорее всего, если это и случится, это произойдет по независящим от меня обстоятельствам. Например, что-то случится с моим мозгом, и я просто физически не смогу больше ничего написать. Писательство нельзя выключить в себе нинаним тумблером.
- *Но при этом писательство — это профессия, ты согласен? Многие начинающие авторы говорят, что нужно дождаться великого вдохновения, поймать которое ты напишешь гениальный текст. А ребята из профессиональной лиги говорят, что просто сидишь каждый день перед печатной машинкой и истекаешь кровью.*
- Я ко вторым себя отношу. Я за профессиональный системный подход. Именно поэтому я пишу каждый день вопреки настроению.
- *Ну тогда выходит, что какой-никакой успех все же неизбежен. Количество перейдет в качество.*
- А вдруг я каждый день буду писать одно и то же? Придет время, я сяду за компьютер и опять напишу рассказ о Жаркове. Но назову его Симановым. «Участников Симанов и его похождения». Я не хочу писать одно и то же. Я считаю, что это уже не писательство, это позерство.
- *Если ты напишешь еще об одном Жаркове, значит, судя по твоим словам, ты не забыл то, что ты хочешь забыть. И это будет этап, который нужно пройти, чтобы закрыть одну дверь и открыть другую. Может быть, ты еще не закрыл эту дверь?*
- А что, если у меня нет ответа на этот вопрос? Не зря же я говорю, что нинаних писателей не существует. Есть следовательно, есть журналист,

есть продавец в «Пятерочке», есть строитель или монтажник. Любой из перечисленных может работать с текстом вне работы. А писатель — кто это? Что он делает в своей жизни?

— *Давай попробуем разобраться. Кто такой писатель? Например, тот, кто издается в издательствах и получает деньги за то, что пишет, большие или небольшие — неважно. Если следовать этому определению, ты уже писатель. Ты издаешься в издательстве, и тебе платят. Но ты говоришь, что ты еще не писатель, потому что не написал великий роман. Кстати, а сколько великих романов ты хочешь написать: один или больше?*

— Больше. Не один. *(Смеется.)* Я не хочу быть автором одной или двух книг. Я хочу раз в пять лет, может быть чаще, что-то издавать.

— *У тебя есть к этому все предпосылки.*

— Наверное. Но внутри пусто. Мне надо что-то пережить. Я сейчас ничего масштабного не переживаю.

— *То есть нужно какое-то мощное потрясение?*

— Нужно потрясение, новое испытание. Тогда я что-то напишу.

— *Ты уже видишь территорию этих потрясений?*

— Да.

— *И где они случаются?*

— Я хочу испытать опыт монастырской жизни, не уходя в крайности...

— *Постриг принимать не собираешься?*

— Нет. Я просто хочу побыть трудником в монастыре. Разобраться, что такое Бог, кто мы такие и есть ли вообще во всей этой истории место чуду и спасению.

— *То есть ты хочешь пойти в монастырь, провести там какое-то время и посмотреть, что из этого получится?*

— Успокоиться и посмотреть, да. Я начал читать Ветхий Завет, Евангелие. Дело в том, что в день рождения — в этом году мне исполнилось 30 лет — случилось одно событие. Я — как больной и психованный человек — придал этому событию метафизическое значение. У меня с крестика — я до сих пор его таким ношу — сошел Иисус. Иисус отвалился. Остался просто крест. Это странно, согласись: Иисус сошел с креста. Его распяли на кресте, а он сошел. Так вот «сошел с креста». Я подивился этой истории и иногда о ней вспоминал. В Пасху я пошел во время дежурства в магазин. Но мне подошел нищий и попросил мелочь. Я полез в отделение для мелочи, где среди монет хранил и сошедшего с креста Иисуса. Дал деньги нищему. А Иисуса в бумажнике не нашел. В тот же день я написал: «Крест голый на груди, крест по жизни. Иди, Сережа, и ищи его, может быть, найдешь».

И вот я решил, что должен найти Христа, который сошел с моего крестина. Решил, что это мой путь. Незначительное событие случилось в день моего 30-летия. И я придал этому событию особое значение. Потом были еще знани. И я подумал: все эти «маячки» не случайны. Так я понял, что мне нужно пережить опыт монастырской жизни. И возможно, это поможет мне написать какой-то важный текст. Необязательно роман о трудниках в монастыре. Об этом уже писали, в том числе и Бушновский, с которым у меня завтра совместное выступление. Кстати, тоже ведь удивительно. Когда узнал, что буду выступать на Красной площади с Бушновским, я вспомнил, что, когда служил в армии, читал его повесть в «Дружбе народов». Там как раз о трудниках было. Текст назывался «Праздник лишних орлов». И вот я думаю: все это тоже череда несчастностей? Судьба подвела меня к встрече с этим человеком. И вот

- я думаю, что все это знаки: тебе, Сережа, пора в монастырь. Тут стоит сказать, что я не какой-то там воцерковленный человек. И, скорее всего, мне будет в монастыре тяжело. Я боюсь этого опыта.
- *Чего конкретно ты боишься?*
 - Это же будет какой-то сакральный опыт, не мирской.
 - *Церковь – та же армия, там все по графику и распорядку.*
 - Да, кстати, ты прав. Без разницы, какой устав, монастырский, армейский или полицейский.
 - *Может быть, ты стремишься в церковь, потому что тебе просто комфортно жить в системе?*
 - Да, я думал об этом. И понял, что мне сейчас просто необходим распорядок дня. Нужно, чтобы было подчинение. Кстати, попасть я хочу не просто в монастырь, а в легендарную Оптину пустынь. Туда Толстой приезжал и Достоевский.
 - *Какие шаги ты для этого предпринял?*
 - Начал, так сказать, понемногу погружаться в мир православия. Читаю, хожу на службы. Кстати, на прошлой неделе мы допрашивали одного батюшку, настоятеля пензенского храма. Никогда раньше батюшек не допрашивал, а тут опять знак. Я у него спросил: «А меня вообще возьмут?» Он сказал: «Если надумаешь, позвони мне, я узнаю, как это сделать». Видишь, все это череда событий, которые взаимосвязаны. Событий, которыми нельзя пренебрегать. Эти события обязательно к чему-то приведут. Я имею в виду, что они помогут мне тексты написать.
 - *А может, ты и постриг примешь?*
 - Нет-нет-нет! *(Смеется.)*
 - *Ну а кто тебя знает? Это же невозможно заранее предвидеть.*
 - Ты прав. Но не будем никого пугать. Я все-таки человек, который любит всякого рода наслаждения. А церковь — это отказ от них.
 - *То есть аскеза – не твоё?*
 - Категорически нет! Это опыт не ради опыта, а опыт ради литературы. Кстати, когда я читал об Оптиной пустыни, я узнал, что там есть старец, к которому приходят с вопросами. Чтобы твой вопрос решился, нужно сделать в точности то, что тебе скажет этот старец. Уйти в монастырь, бросить работу, уйти из семьи — что угодно. И вот я думаю... вдруг, если я приду к нему с каким-то вопросом — хотя у меня нет таких вопросов, которые бы меня тревожили, — он мне скажет: «Тебе нужно бросить писать...» Что тогда я сделаю?
 - *И что ты тогда сделаешь?*
 - Нет такого вопроса, который бы меня сильно мучил, поэтому я к нему не пойду.
 - *А может быть, это страх, что он тебе именно так и скажет: «Сережа, бросай эту свою литературу»?*
 - Скорее всего, да, это страх именно такого исхода. *(Смеется.)* Потому что тогда я не знаю, как буду дальше жить.
 - *Вернемся к поиску новой темы. Чтобы оказываться в монастыре, тебе придется бросить службу?*
 - Нет, я поеду в отпуск недели на две. Изначально туда приезжают дня на три, и, если ты проявишь себя, настоятель может тебя оставить. Я боюсь, что может получиться так, что меня не оставят. Мало ли, возьму и психану.
 - *Что значит «психану»? Когда ты психуешь, ты начинаешь крушить все вокруг? Во что выливается твой психоз?*

- Ну вдруг я начну матом ругаться, например.
- *Ну и что?*
- В монастыре нельзя ругаться матом. Меня попросят уйти. Или я с каким-то трудником не найду общего языка. Всякое может быть. Впрочем, я постараюсь жить смиренно, вопреки всему, ради того, чтобы пройти этот путь.
- *Итак, ты готов к новому опыту, но ты его боишься?*
- Боюсь, потому что он чужд для меня. Я не боюсь полицейского опыта, потому что это мое, родное.
- *То есть ты боишься всего нового?*
- С точки зрения литературы — да.
- *Почему?*
- А вдруг я не смогу, пройдя это испытание, написать что-то достойное?
- *И что тогда? Это будет потерянное время?*
- Да.
- *То есть ты во всем ищешь тему?*
- Все ради литературы, к сожалению.
- *Почему «к сожалению»?*
- Ну, потому, что можно просто жить. Ну зачем мне монастырь, по сути?
- *А что значит «просто жить»?*
- Ну не ехать в монастырь, например. У меня будет отпуск, а я его потрачу не на море, пляж и пиво, а на монастырскую еду и службу.
- *А что тебе даст море, пляж и пиво? Это опыт, который ты уже пережил.*
- Да, но это отдых. Можно просто отдыхать, чиллить, смотреть сериалы.
- *Но это бесполезное время с точки зрения литературы... Ты же сам только что сказал: все ради текста.*
- Ну вот. Опять подловил.
- *Ну хорошо. А теперь давай подведем некоторую черту. Ты думаешь о том, какой багаж ты оставишь после себя? Я понимаю, что еще рановато — на ярмарку едем, не с ярмарки, но тем не менее.*
- Литературный багаж?
- *Да. Ну вот подойдешь ты к финальной черте, помотришь на свою жизнь и скажешь: «И что же ты, Сережа, сделал в своей жизни?»*
- Повторю: я хотел бы написать несколько книг. Немного, но и немало.
- *Неприменно великих?*
- Неплохих. Не проходных. Чтобы это была не книжка ради книги. А чтобы это было событием.
- *Что значит «событие»?*
- Вот у Сальникова вышла новая книжка, «Оккульттреггер». Это событие.
- *А почему?*
- Я не знаю, как ответить на этот вопрос.
- *И тем не менее. Я хочу понять: что значит «событие»? У тебя тоже только что вышла книга, и в моем понимании это тоже событие.*
- Ну нет. Это не событие. Это просто этап. У Нубрина вышла книга.
- *А чем отличается книжка Сальникова от твоей?*
- Я еще ее не читал...
- *Тогда скажи мне, в чем событийность того, что у Сальникова вышла книга или у кого-то еще вышла книга? Их вообще выходит огромное количество, ты и сам знаешь.*
- Книга Сальникова — это книга, которую наверняка ждут, которую точно прочитают и которая почти наверняка не останется незамеченной.

- Ну, «Опосредованно» – второй роман Сальникова – прошел относительно незамеченным.
- Нан и «Отдел».
- «Отдел» – первый роман Сальникова. Алексей, если хочешь, выехал на хайпе «Петровых в гриппе». Потом был не очень удачный роман «Опосредованно». Сейчас вышел «Оккульттрегер», который – мы этого не знаем – примет публика или нет. Суть в том, что я хочу понять: что значит «событие»? Почему Сальников – это событие, а ты нет? Почему ты прижимаешь свои достижения в литературе?
- Я не то чтобы их прижимаю. Для меня большее событие почему-то – выход книги Сальникова, чем выход моей собственной книги.
- Что ты испытал, когда взял в руки свою книгу?
- Мне понравилось, как буквы сделали на обложке. Они такие выпуклые.
- А было вот это ощущение, что ты очень долго хотел разродиться, наконец испытал этот оргазм и понимаешь, что ты держишь в руках книгу, которая еще недавно была текстом на экране компьютера?
- Ну да, я обрадовался. Я не скажу, что я ничего не испытал. Конечно, я обрадовался и почувствовал какой-то шанс стать великим.
- Это первый шаг.
- Да, это первый шаг.
- Как долго длилось это ощущение радости после выхода книги? Когда ты понял, что оно ушло?
- Я написал текст. Порадовался. Потом радость ушла. Я понял, что мне больше не о чем писать. Потом вышла книга. Радость ненадолго вернулась. А сейчас опять никакого восторга нет.
- Ну смотри, после секса нам, мужчинам, всегда какое-то время не хочется. Может быть, литература – это тот же самый секс? Сначала хочется. После секса – не хочется. Потом опять хочется. Проходит какое-то время, мы накапливаем в себе это желание – и возникает новая потребность. Может быть, литература так же работает? Ты испытываешь сильную эмоцию в тот момент, когда у тебя происходит эта разрядка, а потом пустота. Может быть, ты просто сейчас в этом этапе перезагрузки?
- Ну наверное, да, классно. Хорошее сравнение.
- А как ты, кстати, относишься к сексу?
- Замечательно. Литература не лучше сенса.
- А вот, кстати, хороший вопрос: что лучше – секс или литература?
- Ну конечно сенс!
- А если бы тебе предложили выбрать? Если бы тебе сказали: никогда в жизни не заниматься сексом или писать книги, что бы ты выбрал?
- Сенс, наверное.
- А если бы тебе сказали, что ты будешь великим писателем, если ты уйдешь в аскезу и у тебя никогда не будет плотской жизни, что бы ты выбрал?
- Господи. Я бы хотел в ту же минуту умереть. Чтобы не делать выбор.

